

Валентин ЕЖОВ Неопубликованное, непоставленное

Почему я так долго живу

Как меня Бог спас от всего!
В 44 года меня вызвали в ЦК КПСС и сказали, что они изучили мою биографию и решили мне предложить должность сначала парторга в Союзе писателей, а затем (в зависимости "от преданности") сделать меня членом ЦК, а дальше-дальше по тем временам — самые радужные перспективы "вождя".

Они сообщили, что данные моей биографии исключительно подходят для их оценки настоящего "человека": коммунист, участник войны, лауреат Ленинской премии, русский (простите меня, мои милые друзья-евреи).

Я понял, что погорел! Я понял тогда, какое меня ждет будущее, — хуже, чем сейчас член Думы или член высокой администрации. Сказано было, что если откажусь — выкладывайте партийный билет на стол и прощайте. Война — считайте меня коммунистом — все летело? Оставалась жуткая жизнь — гораздо хуже, чем у того, кто не был коммунистом. Приблизительно — альтернатива бомжа...

Я смущенно отказывался, ссылаясь на мою неопытность, отсутствие политической эрудиции и так далее. Я понимал, что для меня это — чистая смерть: судить людей за порочную идеологию, исключать из партии и из Союза писателей прекрасных писателей (иногда и очень "неприятных по характеру людей") и вообще быть, как тогдашние руководители Союза писателей (почти без исключения)... Это я считал для себя позорным...

Беседующие со мной люди из этих инстанций уговаривали, объясняли, грозили, но, видимо, у них не было сил и возможностей исключить (позорно, громко) меня из партии, из С.П., исключить человека, только что получившего звание Лауреата Ленинской премии (это была единственная премия, которая давалась один раз в жизни в отличие от теперешних премий России, как и Сталинских премий, которые можно было получать хоть каждый год).

...Я удостоился приема со стороны очень высокого "вождя", члена Политбюро, причем бесменного, теоретика марксизма-ленинизма и так далее. Подъезды, коридоры — сейчас не помню, — и передо мной оказался Суслов. Можно долго описывать его бесцветную жердеобразную внешность, но он уже был описан в свое время великим А.П.Чеховым — "Человек в футляре"! И всегда носил галоши — даже летом.

С высоты своего невозможного величия он смотрел небрежным, тусклым взглядом тайного кардинала, истинного несменяемого руководителя партии и всех побед, которые он подсказывал самому Сталину.

Он спросил (спокойно, лениво):
— Мне доложили. Я не понимаю вашего поведения.

Господи! Слава тебе! По дороге к этому человеку я успел обдумать стиль своего поведения. Дело в том, что тогда уже не было Сталина — об этом трусливом грузине разговор особый. Многие от трусости становятся очень жестокими, кстати, как и Шеварднадзе, — с трудом играл в демократию, мечтая о прошлой непререкаемой власти...

Я ответил Суслову — интриган, он понимал малейшие интонации фальши собеседника, но тут я его все-таки превзошел. Он, к сожалению, не встречался с такими придурками, которого изобразил я.

Я сказал:

— Вам нравится картина "Баллада о солдате"?

— Да, хорошая картина.

— Вы хотите, чтобы я написал еще что-нибудь подобного?

— Конечно.

— Я не понимаю в политике ничего по сравнению с вами. Я могу только еще что-нибудь написать... Отпустите меня.

Он посмотрел на меня, как на полного идиота: отказывается от невиданных для того времени шикарных правительственных квартир, дачных участков, персональных машин, зарплат, льгот, пайков (правда, меньше, чем получают сейчас "бездарные" члены Думы и правительства, но это стихия элегантного воровства и наглости).

Суслов покачал головой и не предложил мне выложить партийный билет за отказ от того, что мне предлагали.

"Чудак, клоун, писатель!" — наверное,

По сценариям Валентина Ивановича Ежова снято более пятидесяти фильмов. Они разные, но есть среди них безупречные, безусловные. "Баллада о солдате" Григория Чухрая, "Белое солнце пустыни" Владимира Мотыля, "Крылья" Ларисы Шепитько. А еще назовем "Тридцать три" Георгия Данелия, "Сибирячку" Андрея Кончаловского, "Это сладкое слово — свобода" Витаслава Жалаквичюса.

Он пришел во ВГИК в 1945-м, сразу после войны, после фронта. Потом вспоминал, что людей в солдатских шинелях в коридорах института тогда было больше, чем в военном училище. С Григорием Наумовичем Чухраем, тоже фронтовиком, они "Балладу о солдате" сделали в память об однополчане, о друзьях, о людях, с которыми прошли такое, что не забывается вовек. Много позже Ежов вернулся во ВГИК Мастером. Седьмой, последний свой курс набрал в 2003-м. Теперь за его ребят в ответе Рустам Ибрагимбеков и вдова Наталия.

Пять лет назад, к юбилею Валентина Ивановича, драматург Виктор Мережко написал про него в нашей газете: "Фигура Ежова стоит особняком. Он не вписывается ни в какие профессиональные и человеческие рамки. Он независим. Он беспрдельно любит жизнь. Столь же беспрдельно любит женщин, а они — его. Не участвует ни в каких разборках и переделках. Он стоит над схваткой."

У него поразительная фантазия. Достаточно маленькой зацепочки, чтобы он тотчас превратил ее в новый сюжетный ход или сюжет.

Его трудно усадить за письменный стол. Он предпочитает расхаживать и просто на лету схватывает идеи, мысли. А уж если садится за машинку, то появляющемуся на бумаге "из-под пера" Мастера может позавидовать любой кинематографист".

С ним и любовь к кино была какой-то особенной. Что надо была любовь! С радостью, гордостью, надеждой. Он и сам был воплощением надежности. Настоящим был. Таких редко встретишь. А уж если встретишь, если прикоснешся к их свету, мудрости, удивительной праздничности, то — навсегда.

Валентина Ивановича не стало 8 мая 2004 года.

21 января 2006-го ему исполнилось бы 85 лет.

Мы предлагаем вашему вниманию два авторских сочинения — "Миллионеры" и "Почему я так долго живу". Миллионеры — заявка на полнометражный фильм. Написана в 1969-м — 70-м (сценарий по ней сделан позже). Но замысел тогда, в 70-х, оказался нерализованным. Не пропустили по идеологическим соображениям. Сами понимаете, какое было время, — не все выходило, не все проходило. Валентин Иванович даже как-то сказал, что из одних его заявок можно сложить собрание сочинений.

"Почему я так долго живу" — последнее из написанного Ежовым. Самое последнее. Жанр этого материала определить трудно. Возможно, заметки. Возможно, наброски воспоминаний. Возможно, исповедь. Запись, сделанная от руки. Мы так и решили ее опубликовать — неправленную, неотредактированную. Так, как была написана Валентином Ивановичем. Перед самым его уходом из жизни. Но мы еще не раз будем возвращаться к его неопубликованным и непоставленным работам — чтобы продолжать их открывать.

подумал он, но не усмехнулся (улыбаться в это время могли только презираемые серьезными правителями люди, сами они очень скупно улыбались, только дома) — "Несерьезный пустой человек!"

(Гришин, Михайлов, беседа с тобой, на любые остроты только морщились с выражением лица человека, у которого страшный запор.)

Короче говоря, Суслов отпустил меня, как придурка, с миром.

Так помог мне Господь! Ибо, согласившись работать в ЦК или Политбюро, — а я точно знал, как для персонажа моей пьесы, шутя добиться этого на фоне таких уж действительно малообразованных придурков, как Суслов, Хрущев, Брежнев, Черненко, — в XX веке, начиная с Николая II, правили страной только придурки — жестокие, гениальные, глупые, но все придурки. Может быть, один Путин хотя бы просто нормальный человек, каких даже среди президен-

тов Америки и других стран было в истории совсем немного, единицы.

Бог спас меня: потому что, согласись на то, что мне предлагали, — я давно бы умер от стыда.

А если бы я писал "кирпичи", как многие "великие" забытые советские писатели, я тоже давно бы умер от огорчения. Бог объяснил мне, что жертвовать жизнью для искусства, литературы можно только в ранге Пушкина и не ниже Булгакова. Остальным не надо.

Миллионеры

Мы хотим рассказать одну историю, которая произошла в самом конце второй мировой войны. Она очень похожа на притчу, хотя в ее основе лежат действительно имевшие место события. Мы вспомнили ее для того, чтобы поговорить о вещах очень важных для нашей сегодняшней жизни. А фон, на котором она разыгрывается, — разбитые дороги Европы, разрушенные города, брошенные дома, близкое счастье победы, отчаянное сопротивление недобитых гитлеровцев, рынки с натуральным обменом, драматические судьбы людей, ситуации невероятные для мирного времени и вполне вероятные в период исторических катаклизмов, когда все проверяется на подлинность: жизнь, смерть, любовь — необходим нам для разговора о самом главном. О ценностях подлинных и мнимых.

Итак...

Где-то в районе Западной Украины, а может, и недалеко от Балкан, по территории только что освобожденной Советской армией медленно движется эшелон с военным грузом, направляясь к фронту, который теперь уже недалеко от Берлина. В одном товарном вагоне, случайно прицепленном к этому эшелону на одной из разрушенных станций, собираются несколько человек с разными судьбами: двое русских, догоняющих после госпиталя свою часть — старшина Федор Мазепа и младший лейтенант Ваня Крылов; сербский партизан Светозар или короче — Света, одержимый ненавистью к немцам, уничтожившим его семью; освобожденный из концлагеря польский еврей пан Моцарт, возвращающийся к себе в Варшаву, в прошлом портной, и его спутница — юная француженка Мадлен, стриженная как мальчишка, так как ей пришлось скрываться после того, как она застрелила немецкого офицера в борделе, куда ее отправили фашисты, и вот теперь пробирающаяся к себе домой, во Францию, позади наступающих русских солдат.

Одним словом — разные люди, разные судьбы.

Все они двигались к фронту. Не очень, правда, стремительно, но двигались... На остановках бегали по базарам, меняя какую-нибудь еду на имеющиеся у них мелкие ценности вроде дешевеньких часов, фланелевых полотнянок и мыла. А вы представляете, сколько нужно еды пятерым голодным людям...

Иногда старшина, охраняющий их поезд, приносил краюху хлеба или полкотелка каши из концентратов. Но что это было для них...

Одежда на всех была больше трогательной, чем греющей, и поэтому по ночам они, как большие щенята, прижавшись друг к другу, спали на полу, рассказывая друг другу свои, не совсем обычные биографии.

И вот однажды старшина Мазепа обратил внимание на то, что почти четвертая часть их вагона изнутри отгорожена глухой деревянной стеной. Тихий, застенчивый младший лейтенант Ваня Крылов или Иван Севастьянович, как называли его дети в школе, где он в прошлом преподавал географию, знал немецкий язык и прочел на этой стенке полустершуюся надпись на чужом языке. В этой надписи содержалось слово "расстрел". Что же там могло быть?!

Федя Мазепа и лихой Света без долгих раздумий рванули доски и увидели, что все пространство за этой ложной стеной, до самого потолка, было заполнено какими-то аккуратными картонными блоками.

Младший лейтенант отстранил парней, осторожно проверил — не заминировано ли все это хозяйство? — и потом вытащил один из блоков. Когда они вскрыли этот блок, оказалось, что его содержимое составляли деньги. Плотные пачки новеньких купюр по тысяче марок. На вид совсем не толстые пачки по сто тысяч рейхсмарок в каждой.

Света вскрыл бандероль, и банкноты веером расстелились на полу.